

- Видите ли Вы среди современников значительных философов?

- В свое время я много ездил на международные философские конгрессы, конференции, по комсомольским делам и т.д. Были интересные встречи, беседы. Но почему-то студенческие годы вспоминаются как самые интересные. В 1951 году лекции по диамату у нас читал Ф.И. Георгиев. Ему задали вопрос, есть ли сейчас выдающиеся философы? Он ответил: «Я думаю, что все они находятся здесь!». Я могу сказать, что выдающиеся философы – мои коллеги по Уральской философской школе.

Члены Клуба дядюшки Лю искренне поздравляют Константина Николаевича с юбилеем, горды и счастливы возможностью общения с

таким мудрым, опытным и веселым человеком и желают ему бодрости духа и тела, творческих успехов и радости в жизни!

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО В МЕДИАКУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Мельников Дмитрий Николаевич

главный редактор журнала «Наука и образование Казахстана», соискатель Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Астана)

Современное медиапространство – наиболее глобализированная, а значит и унифицированная социокультурная сфера. Будучи ориентированным на социально «эффектные» события, злобу дня, оно нуждается в постоянной информационной подпитке, новых ярких, провоцирующих воображение образах. С этой особенностью медиапространства связана одна из главных причин его чрезвычайно высокой чувствительности к новейшим культурным процессам и тенденциям. Другими словами, аккумулируя логику постоянного, можно даже сказать, беспокойного поиска новой информации,

присущую культуре рубежа XX – XXI веков, оно стало «постсовременным», то есть нерасторжимо связано с парадигмой постмодерна

Социальное бытие как таковое всегда основывалось на некоторых константах, образующих саму структуру социального порядка. К их числу, безусловно, относится священное, которое, как известно, выполняет не только чисто религиозную функцию, но и является мощным механизмом создания общностей любого масштаба.

С разрушением традиционного социокультурного мира и началом активных модернизационных процессов утратила свои позиции и традиционная, «классическая» система сакрального, в основном представленная практикой институционально развитых монотеистических религий. Священное отошло на второй план или вообще было забыто. С нарастанием секуляризации оно мигрировало из религиозной сферы в основном в идеологическую, политическую – социально-идеологические цели (например, строительство коммунизма, господство арийской расы или даже строительство демократического правового государства) стали восприниматься как важнейшие, предельные. А на следующем этапе – в эпоху постмодерна – сак-

ральное мигрирует еще «дальше», перемещается в область различных социокультурных практик, прежде всего, в массовую культуру. Здесь оно становится децентрированным, игровым, симулятивным, зачастую принимает формы, которые с традиционной точки зрения со сферой священного вообще никак не связаны.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо говорить о новых, нетрадиционных формах сакрального, «новизна» которых, прежде всего, заключается в том, что они распространяются в секуляризованном светском обществе, радикально отличаются от понимания священного в иудаизме, христианстве и исламе. Правда, сразу же нужно отметить, что новизну в данном случае можно считать условной, поскольку такое новое сакральное можно рассматривать и как возвращение, хотя бы частичное, к архаической религиозности, мифу, например, к фетишизму, анимизму, магии. Кроме того, в той или иной мере оно, конечно, имело место и в массовой культуре Средних веков, когда господствовало священное институциональных монотеистических религий.

Постмодерн как глубоко релятивистская картина мира противостоит традиционному сакральному, считая его слишком фундаментальным, всеобъемлющим, онтологичным. Однако, как уже было отмечено, сакральное неустранимо из социального бытия. Следовательно, отрицая классические формы священного, постмодерн должен предлагать что-то взамен.

Глубинное стремление «постсовременной» культуры состоит в желании устранить классическое трансцендентное, онтологическое сакральное и на его фундаментальном важном для социума месте утвердить сакральное «человеческое», по-стороннее, чудесное и сверхъестественное в котором достигается не за счет трансцензуса, а за счет углубления в психику и телесность. Другими словами, на смену божественному, трансцендентному священному приходит сакрализованное бессознательное (яркие примеры этого процесса – сакрализация инстинктивной жизни человека, интерес к измененным состояниям сознания). Постмодерн как следствие и предельная форма либерализма не хочет знать и признавать надчеловеческую реальность, предписывающую определенные ограничения, предполагающую благоговение перед высшим началом. Все это объявляется условностями, навязываемыми автономному субъекту довлеющей над ним религиозной доктриной.

Не следует забывать о том, что в архаической, домонотеистической культуре само сакральное понималось амбивалентно. С одной стороны, это было нечто запретное, посвященное божеству, а с другой – нечто опасное для человека или «грязное». Так, двойственность смысла отличала sacer в Древнем Риме и табу полинезийцев.

Постмодерн актуализирует именно «забытые», домонотеистические значения сакрального. Известный же большинству образ священного пока еще достаточно прочно связан с тем, как оно воспринимается в авраамических религиях единобожия, где подлинно священным является святое, которое не обладает указанным двойственным смыслом. Для человека оно всегда – благо.

Между тем, нельзя забывать о том, что святое – только один из видов сакрального, связанный с конкретным (пусть и широко распространенным) типом религиозного миропонимания. Можно выделять и совершенно иные виды сакрального, в определенном смысле даже противоположные святому. В частности, речь может идти о таком феномене, как магическое сакральное. По сути, во многом это архаическое восприятие сакрального. Однако – и это стоит особо подчеркнуть – возрождающееся уже в совсем иной социокультурной ситуации – современной. Так, для архаического сознания сакральное могло быть слепой силой, от которой зачастую нужно было оберегаться. Или, говоря иначе, архаический человек нередко понимал священное как нечто ценностно неопределенное, амбивалентное, например, чудодейственным священным предметом мог завладеть и представитель доброго начала – культурный герой, и злой колдун. Реальный смысл волшебного предмета от этого мог кардинально измениться.

Точно также и сегодня мы можем наблюдать вызывающий противоречивые интерпретации процесс: современное масскультовое, то есть бытующее вне институциональной религии сакральное снова стало разлитой в мире безличной силой типа «мана». Эта сила дает людям и вещам особые чудесные качества без какого-либо высшего смысла, то есть как некое магическое свойство (таковы, например, современные представления о сексуальности и успехе). Получение или потеря этих качеств не требуют серьезной внутренней

работы, очищения, и вообще нередко происходят совершенно случайно. Сакральное, сверхъестественное такого типа может быть даже похищено, присвоено, найдено.

Таким образом, если игнорировать новые формы сакрального, «ушедшего» из религиозного поля или оставшегося в нем, но принимающего «маргинальные» формы, можно не увидеть важнейших процессов сакрализации, происходящих в нетрадиционном (квази-) религиозном сознании, «ареал» которого в социокультурном плане значительно шире деятельности институциональных вероисповеданий (это практически все пространство массовой культуры). Дело в том, что в традиционном обществе священное действительно так или иначе было тесно связано с собственно религиозной сферой, особенно с ритуальным ее сегментом. Когда же социальная роль религии значительно снизилась, а сущностная потребность в сакральном, всегда присущая обществу, естественно, осталась, произошел глубинный социокультурный, антропологический сдвиг, в результате которого появилось сакральное нового типа – зависимое от быстрой смены символических и ценностных парадигм. Каждая из них (символическая, ценностная картина мира) стала создавать свое сакральное – варьировать его на собственный лад, придавать ему свои формы. Специфические комплексы сакрализованных образов создали, к примеру, советский «коммунизм», американская идеология, феминизм и другие символические системы.

Иными словами, если вспомнить известное шекспировское изречение о времени «Время вышло из своих пазов» (русскоязычному читателю оно больше известно в небуквальном переводе «Распалась связь времен»), сакральное «вышло из своих пазов» и понеслось в вихре стремительных социокультурных изменений Нового и Новейшего времени. Выражаясь иначе, после указанного сдвига сакральное стало циркулировать в социокультурном пространстве, принимая самые разные формы, в зависимости от того, какой социальный порядок ему нужно легитимировать. Например, в идеологии воинствующего атеизма оно вообще приобрело «антирелигиозные» черты.

В итоге эти процессы, конечно, не могли не привести к многообразию практик сакрального, что, к примеру, отчетливо можно наблюдать в современной городской культуре (огромное количество не-

традиционных религий, стилей жизни, идеологий и так далее). Продвижение в «постсовременность» будет только усиливать данный процесс (хотя, конечно, будут иметь место и альтернативные тенденции), поскольку постмодерн постулирует принципиальный плюрализм сакрального, подрывая тем самым основания последнего, ибо в понятие сакрального входят концепты «незыблемости», «безусловности», «авторитета». «Подрывная» тактика в данном случае означает, что священное постмодерн на самом деле заменяет игрой в священное, которое таким образом становится весьма комфортным и при этом еще и выполняет развлекательную функцию.

Сакральное сейчас все больше и больше растворяется в социокультурном мире, поскольку у современного человека, как правило, нет цельной религиозной жизни в понимании классической «высокой» духовности. Религиозные представления обычно очень эклектичны. Фрагментарное, циркулирующее сакральное, вспышки магических свойств – это новый тип сакрального, который не создает традиционного опыта священного

Ярким примером постмодернистской стратегии сакрального можно считать такой культурный феномен, как гламур. Это высшее проявление и одновременно сакрализованная символическая система общества, базовые ценностные установки которого смещаются, по меткому выражению Жана Бодрийяра, в сторону демонстративного потребления [1, 14]. И здесь, кстати, нужно вспомнить, что гламур генетически связан со СМИ: гламуром обычно называют роскошный стиль жизни, рекламируемый в женских и мужских глянцевого журналах.

И в завершение сделаем акцент на еще одной по-особому актуальной сейчас социокультурной функции сакрального.

Исследователи довольно часто отмечают теснейшую связь священного с символическим миром культуры. Вполне вероятно, что эту связь можно даже назвать максимальной, предельной, поскольку именно сакральное способно в наиболее концентрированной форме выражать смыслы, предполагающие практически бесконечную интерпретацию (таково по природе своей соприкосновение с божественным, трансцендентным). Или, если вспомнить емкие определения символа, данные о Павлом Флоренским, сакральное, как и символ,

есть «бытие, которое больше себя самого», окно в иной мир.

Неисчерпаемый символический потенциал сакрального делает его обязательным средством создания социальных символов практически всех уровней, в том числе, конечно, важным механизмом легитимации социальных порядков. Причем, как показали такие исследователи глубинных общественных функций религии, как Эмиль Дюркгейм и Томас Лукман, символические универсумы социальных порядков всегда сакрализованы. Поэтому со всей определенностью можно говорить о том, что священное стоит в центре, объединяет любую социокультурную систему, делает «очевидным», непроблематизируемым ее ценностно-смысловой каркас.

В таком случае нетрадиционные формы сакрального помимо прочего легитимируют новую социокультурную реальность. Это означает, что сакрализованные смыслы не просто отражают, а концентрируют в себе новую картину мира.

В итоге логика нашей аргументации позволяет сделать предварительный вывод (он нуждается в детализации и проверке данными эмпирических исследований) о том, что по большому счету роль сакрального в жизни обществе никогда радикально не снижается. Но при этом могут кардинально меняться формы самого сакрального. Большинству

концепций секуляризации этот тезис противоречит лишь отчасти, поскольку сам процесс «обмирщения» можно понимать по-разному. В рамках нашего подхода понятие секуляризации необходимо уточнить, конкретизировав его привязкой к трансформациям сакрального.

Секуляризация – это не снижение роли сакрального вообще, а переход от доминировавших в течение долгого времени образа и практики священного как святого к «низкому» (с точки зрения монотеистических религий) сакральному магического типа. Хотя в то же время – и это еще раз подчеркиваем многогранность термина «секуляризация» – допустимо и практически противоположное утверждение: распространение нового трансформированного сакрального, а с ним и нетрадиционной религиозности вообще на фундаментальном социокультурном уровне все же означает углубление процесса секуляризации. Причем не только потому, что имеет место отход от трансцендентного священного, уменьшается его влияние на жизнь общества, но и потому, что собственно религиозное миропонимание здесь исчезает, трансформируясь в магию.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

М.А. Фадеичева

НАЦИЯ КАК ИЛЛЮЗИЯ

**Фадеичева
Марианна
Альфредовна**

доктор политических наук Академик МАДИ, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Время постмодерна с его атрибутами, то есть коренными, неотъемлемыми свойствами, к числу которых можно отнести множественность суб-

культур и перманентную изменчивость, когда по принципу Кратила «даже один раз нельзя войти в одну и ту же реку», предъявляет особые требования в отношении современного государства как такового. В условиях глобального мира и интенсивных трансграничных миграций для большинства государств в ходе неорганической модернизации построение сообщества является принципиально важной задачей. Без поддержания устойчивости сообщества не только невозможно развитие, но невозможно управление, а также само существование суверенного государства.

Применительно к предыдущей исторической эпохе – эпохе модерна была найдена адекватная форма политической общности – нация. Эта